

Хроники Аальхарна

Антон и Лариса
ПЕТРОВИЧЕВЫ

ИЗГНАННИК

Москва
АСТ

УДК821.161.1-312.9
ББК84 (2Рос = Рус)6-44
П30

Серия «Хроники Аальхарна»

Художник *Оксана Ветловская*

Дизайн: *Юлия Межова*

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Петровичев, Антон

П30 Изгнанник / Антон и Лариса Петровичевы.— Москва: АСТ,
2014.— 413 [2] с.— (Хроники Аальхарна).

ISBN 978-5-17-085104-1

Он был не первым сиротой в истории монастыря. Только не у каждого сироты есть персональная аптечка, оживляющая мертвых, и такие нездешние сиреневые глаза.

Кто он?

Зачем появился на этой планете?

Изгнанник или Шеф-Инквизитор?

Шани Торн, чья судьба уже написана. Никогда ему не вернуться в свой город, Ленинград 2514 года.

УДК821.161.1-312.9

ББК84 (2Рос = Рус)6-44

Подписано в печать 30.06.14.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж

Заказ №

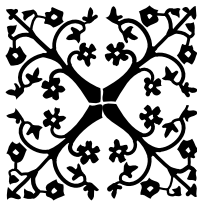
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Антон и Лариса Петровичевы, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЗАРЕВО

Аальхарн, 1220 год от прихода Заступника

Дождь, зарядивший два дня назад, казался бесконечным. Не верилось, что где-то за низкими, тяжелыми тучами, которые почти цеплялись за крыши домов толстыми клокастыми животами, существует беспечная синева неба и яркое солнце. По Аальхарну шла осень, долгая, мокрая и унылая. В такую погоду хочется устроиться где-нибудь в тепле, у жаркого камина и читать толстые мудрые книги, запивая старинную мудрость травяной настойкой.

Мысль о настойке несколько улучшила настроение отца Гнасия. Он поправил капюшон плаща, хотя это было уже бесполезно, ручейки воды давно попали под одежду, и пошагал дальше к монастырю. Отец Гнасий ходил в деревню читать отходную по умирающему и теперь, возвращаясь домой, философски размышлял о том, что в такую погоду смерть похожа на мрачную картину, на которой вся природа уходит в сон и красные облетающие листья струятся по земле за похоронной процессией.

Вдали за деревней заворчал гром, и отец Гнасий прибавил шага. По брюху тучи, которая нависла над монастырем, пробежала изломанная змейка молнии. Отец Гнасий зажмурился и помотал головой: ему показалось, что молния была насыщено сиреневого цвета. Дождь припустил еще сильнее, и в этот момент в небе грохнуло так, что отец Гнасий упал на колени и осенил лицо кругом.

По небу разливалось величавое сиреневое зарево. Ночь превратилась в день; теперь отец Гнасий видел каждый камушек на дороге и каждую травинку на обочине. Сиреневые волны света выплывали из туч, и казалось, что это небесное воинство торжественно расправляет крылья, готовясь к атаке.

— Заступник великий и всемогущий,— торопливо зашептал отец Гнасий, на шаривая на поясе четки.— Сохрани мою душу, укрепи мое сердце. Не дай погибнуть от зла.

Гладкие костяные шарики четок выскользывали из трясущихся пальцев. Свет становился все ярче — горный, запредельный, он почти внушал ужас. За тучами что-то загудело, словно огромный дракон проснулся и издал трубный рев, требуя еды, а потом раздался хлопок, и все померкло. Удивительное сиреневое зарево погасло, а дождь стал лить еще сильнее.

На дороге, перед коленопреклоненным отцом Гнасием кто-то был. Несколько мгновений назад дорога была пуста, и отец Гнасий протер глаза, полагая, что ему просто мерещится. Однако тощая фигурка в странном оранжевом одеянии никуда не пропала. Она шевельнулась, и отец Гнасий увидел, что на земле перед ним сидит мальчик. Самый обыкновенный ребенок лет десяти, его сверстники постигали грамоту в монастырской школе.

Это и было самым необычным. После сиреневого сияния отец Гнасий готов был увидеть Заступника во плоти, колесницу святой Агнес, запряженную драконами, или архидуха Мехалья с копьем и мечом, но никак не дитя. Впрочем, наверняка дело было в том, что Заступник услышал его молитву и в мудрости своей показал именно то, что слабая и грешная душа отца Гнасия способна была вынести.

Мальчик поднял голову и посмотрел на отца Гнасия. Да, это был самый обычный ребенок, худой светловолосый парнишка, вот только глаза у него были как раз того сиреневого цвета, который несколько минут назад разливался по небу, и отец Гнасий окончательно убедился в том, что стал свидетелем чуда.

— Кх'те йа? — промолвил мальчик. Слова были незнакомы отцу Гнасию, который знал несколько языков, живых и мертвых. Они напоминали речь дальневосточных варваров, но все же не были ею.

— Не бойся,— мягко сказал отец Гнасий. Сейчас важна была интонация, а не смысл слов.— Не бойся, малыш, все хорошо.

Мальчик всхлипнул и огляделся. Его оранжевая одежда оставалась совершенно сухой, словно дождь не мог ее намочить. Очередное чудо, а сколько еще будет таких чудес? Отец Гнасий заметил поодаль такой же сухой оранжевый мешок и указал на него.

— Это твое?

Мальчик поднялся на ноги и взял мешок за лямку. Отец Гнасий видел, что по щекам небесного гостя текут слезы, и понял, что надо сделать. Он встал с колен и, подойдя к мальчику, протянул ему руку.

— Пойдем, малыш, а то совсем тут промокнем.

Ребенок вздохнул и взял отца Гнасия за руку. Вопреки ожиданиям, ничего чудесного не последовало. Отца

Гнасия не ударило молнией, и удивительные видения не посетили его. Так они и пошли в монастырь.

У ворот их встречала перепуганная братия, которая на все лады толковала случившееся. Небесное знамение вселило в обитателей монастыря ужас и мысли о наступлении последних дней. Кто-то заливал свой страх наливкой, а кто-то уже сидел в библиотеке и записывал рассказ о случившемся.

— Вот подтверждение чудес Заступниковых в мире, полном ереси и зла! — приветствовал отца Гнасия ключарь Вит.— Кто бы мог подумать, что Заступник в милости своей пошлет нам знак надежды и победы!

Глаза Вита горели от радости: похоже, он единственный не испытал страха, наблюдая за знамением.

— Открой кухню,— сказал отец Гнасий. Все случившееся еще будет осмыслено и записано, а пока надо было подумать о насущных проблемах. Хотя бы о том, что ребенка надо накормить.— Заступник послал нам гостя, и гость проголодался.

Гость действительно был голоден. Когда перед мальчиком поставили миску с кашей, то он так накинулся на еду, словно не ел несколько дней. Столпившиеся в трапезной монахи не сводили с него глаз, будто никогда не видели, как люди едят. Впрочем, в небесном госте все вызвало интерес: и оранжевая одежда непонятного покроя, и таинственный мешок, набитый, должно быть, невиданными и непостижимыми диковинами, и странная отрывистая речь, и сиреневые глаза. Глаза удивляли в особенности: когда мальчик бросал на собравшихся испуганные взгляды исподлобья, то обитатели монастыря принимались смотреть в сторону.

— Отец Гнасий,— тихонько спросил один из послушников.— А разве духи небесные едят?

— Дурак,— сказал отец Гнасий, отрезая мальчику еще один ломоть хлеба, в который тот незамедлительно вцепился. Превосходный аппетит, подумал отец Гнасий, он так все кладовые опустошит.— Забыл, что ли, Писание? И едят, и пьют, и все прочее делают, что надо, если на то будет воля Заступника.

Незадачливый послушник предпочел стушеваться за спины товарищей и наблюдать за небесным гостем в благоразумном отдалении. Мальчик тем временем доел кашу, расправился с добавкой и что-то проговорил на своем языке. Отец Гнасий понял, что его благодарят за еду, и ласково ответил:

— На здоровье.

Впрочем, еда земная небесному духу не пошла впрок. Мальчик одной рукой зажал рот, сражаясь с тошнотой, а второй принялся шарить в своем мешке, откуда вскоре была извлечена тонкая серебристая пластина. По поверхности чудесного предмета пробежали зеленые и алые огоньки. Мальчик прижал пластину к груди и спустя несколько мгновений вздохнул с облегчением. Отец Гнасий подумал, что пластина является ларцом с чудесными лекарствами, но разве на небесах знают телесные страдания и хвори?

Однако с болезнью своего хозяина пластина не справилась. Мальчик негромко вздохнул и сполз под стол.

* * *

Ленинград, 25 14 год

— Ничего личного, Саша,— мачеха ему обворожительно улыбнулась и провела ладонями по округлившемуся животу,— но я хочу освободить место для них.

Солнечные лучи, падая сквозь листву яблонь маленького сада, разбитого отцом на крыше дома, искрились в ее рыжих волосах, уложенных в модную прическу. Саша смотрел на нее и не понимал, почему фигура молодой женщины размазывается и растекается перед глазами. Потом понял — это просто слезы. Он плачет и кусает губы, стоя на самом краю старинного табурета. Тонкую шею Саши охватывала петля, и веревка утекала куда-то вверх, в яблоневый цвет.

— Он не поверит, — проговорил Саша, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не хватало еще, чтобы эта дрянь увидела, что ему в самом деле больно и страшно. Табурет крутился, раскачивался и выскользнул из-под ног, и мир Саши, ставший в одно мгновение невообразимо зыбким, словно скользил по волнам то вверх, то вниз. — Он ни за что тебе не поверит!

Мачеха обошла вокруг табуретки, пристально рассматривая пасынка. Уже целых три дня, стоило Максиму Торнвальду, Сашиному отцу, отправиться на работу в университет, она неуловимо легким и опасным движением отправляла в шею Саши микроиглу с ядом: на несколько минут он, наполовину парализованный, терял возможность шевелиться и сопротивляться, а мачеха накидывала ему на шею петлю и пристраивала его на табурете так, что он едва мог устоять на неверном сиденье, которое так и норовило выскользнуть из-под ног. Вчера вечером Саша прочел в Федеральной сети, что яд виконина полностью распадается в организме и никак не выявляется при анализе. Доказательств не было и не будет.

— Отчего же. Поверит, — усмехнулась мачеха. — Типичное подростковое самоубийство. Ты обожал мать и так и не сумел смириться с ее смертью и скорой женитьбой отца. Максим это переживет, уверяю тебя. Скоро у него будут новые сыновья, и он их уже любит.

— Сука, — всхлипнул Саша. — Тварь проклятая. Мачеха задумчиво смотрела на него, медленно наматывая на палец тугой рыжий локон. Солнечные лучи путались и искрились в волосах — и это было красиво. Смертельно красиво.

— Не ругайся, — промолвила она. — Это очень невежливо. Хотя мертвецу должно быть все равно.

— Лихорадка, как есть, — заявил Авиль. В монастыре он по праву считался первым знатоком всех болезней и способов их лечения. — Уж чего-чего, а лихорадку я на своем веку повидал, знаю, что это такое. Настойка змееполоха первое средство. А над кроватью надо повесить лягушачью пясть.

Отец Гнасий сильно сомневался в том, что лягушачья пясть помогает при лихорадке, но решил не спорить со специалистом.

— Известно, что лягушачий пот обладает особым запахом, вдыхание которого способно облегчить страдания больного лихорадкой, — снизошел до объяснения Авиль, видя, что его собеседник колеблется. — Напрасно вы относитесь к лягушкам с предубеждением, отец Гнасий. Это замечательное создание сотворено Заступником на благо людям, и не вина лягушки в том, что ее используют ведьмы для своих снадобий.

— Да ничего я не имею против лягушек, — отмахнулся отец Гнасий. Если Авиль принимался рассуждать на

лекарские темы, то его было не остановить.— Небесное создание мучится и страдает, и я повешу тут всех лягушек, какие есть, лишь бы только он выздоровел.

Мальчик отравился монастырской едой, и серебряная пластина принесла ему лишь временное облегчение. Из трапезной потерявшего сознание ребенка перенесли в келью, где, терзаемый жаром, он до сих пор лежал, не приходя в себя. Пластина, которую отец Гнасий сейчас держал в руках, ничем не помогала. Видимо, ей умел пользоваться только владелец.

— Вещицу эту, кстати, надо изучить,— палец Авилья пронзил воздух в направлении пластины.— Следует разобраться в ее сути и понять, кто создал ее: Заступник или Змеедушец.

От подобного предположения отец Гнасий чуть дара речи не потерял.

— В лекарском деле вы, дорогой Авилья, конечно, великий мастер, а вот во всем остальном ваши познания оставляют желать лучшего,— сказал он, едва удерживаясь от того, чтобы дать волю рукам и треснуть Авилья по голове.— Сами-то подумайте. Как может посланник Змеедушца появиться с неба?

— И Змеедушец цитирует Святое Писание, если ему это выгодно,— парировал Авилья.— И это вам следует подумать, почему якобы небесный посланник пал жертвой болезни, едва ступив под эти священные своды. Не следует ли инквизиции разобраться в этом?

— Я уже отправил письма о Сиреневом знамении государю, патриарху и в священный трибунал,— с достоинством произнес отец Гнасий. Никому не следует думать, что он что-то скрывает или чего-то боится.— И если инквизиция сочтет нужным расследовать этот случай, то обязательно приедет сюда. Заодно и вы с

ними побеседуете о полезных свойствах ваших любимых лягушек.

Авиль нахмурился. Поправил лягушачью лапку, которую повесил в изголовье койки, когда отец Гнасий критически оценивал его познания.

— Пусть приезжают, пусть беседуют, я найду, что им ответить. Я читал не только жития святых, но и труды великих ученых и философов, сведущих в естествознании. А вот что скажете вы, когда вас спросят о загадочных вещах, упавших с неба?

Отец Гнасий взвесил на ладони серебристую пластину и отразил выпад Авилы:

— Я скажу, что сиреневый цвет изначально принадлежит силам Небесным, и Змеедушец не может его присвоить. А еще я скажу, что на сем исцеляющем предмете изображен алый крест святой Агнес. Слуги Тьмы боятся и бегут от него.

Авиль собрался было дать очень язвительный и хлесткий ответ (он все еще желал поквитаться с отцом Гнасием за недоверие к целительным свойствам лягушек), но в этот момент в келье прозвучал новый голос:

— Лягушки.

Слуги Заступниковы сразу прекратили богословский спор и с одинаковым изумлением уставились на мальчика, который пришел в себя и так же удивленно смотрел на них.

* * *

Свет с трудом проникал в маленькое пыльное окошко чулана. Саша лежал на полу и смотрел, как серые лучи выхватывают из мрака то высокие отцовские сапоги для рыбной ловли, то ящик с древними,